

Самое главное направление жизни – к Богу

Настоятель храма святителя Николая в Кузнецкой слободе, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир Воробьев о тех, кто определил направление его жизни, о духовном наследии и «дурной наследственности», о том, как и что «отдавать» храму, в каком возрасте получать богословское образование, чем опасна теплохладность и где лучше всего учиться любви.

«Я всегда чувствовал свою связь с дедом-исповедником»

Отец Владимир, вы выросли в семье, один из членов которой – ваш дед протоиерей Владимир Воробьев, настоятель храма Николы в Плотниках на Арбате – пострадал за веру. Скажите, его личность и судьба как-то повлияла на вас, на ваш выбор жизненного пути?

Дед умер в тюрьме примерно за год до моего рождения, меня назвали в его честь. Мне много о нем рассказывали, и с самого детства я чувствовал свою связь с ним. Но о том, чтобы, как и он, стать священником, и мечтать не приходилось: это казалось в то время совершенно невозможным. Живущим сейчас трудно представить, что такое сталинское время, что такое время хрущевское.

Я мечтал стать историком, хотел даже поступать на исторический факультет университета. Но... Я не был комсомольцем. И мне говорили, что поэтому меня не примут. А кроме того, говорили, что даже если и поступишь, то не сможешь ни учиться, ни работать потом, потому что это идеологический факультет и все время нужно будет находиться в русле государственной идеологии. Мы, действительно, в семье были воспитаны по-другому. Наша семья была православной по своему духовному устроению, и мы всегда старались жить, как православные люди.

А о политике «на кухне» велись разговоры?

Естественно, бывали. Но говорили прикровенно. Нас с детства учили быть осторожными, потому что если не быть осторожными, то посадят в тюрьму.

Но ваш отец был ведь историком по образованию...

Да, он окончил историко-филологический факультет. Это был последний курс, который учился еще по дореволюционной программе. Он был учеником И. Ильина, С. Франка – высланных большевиками философов; помогал им собирать библиотеки.

Отец хорошо знал ситуацию и среду, в которой я окажусь, и потому был против истфака. Сам он преподавал логику на философском факультете. Логика – «беспартийная» дисциплина; не будучи членом партии, он мог только этот предмет вести. Да он и сам не хотел читать иные курсы: не мог учить тому, во что не верил, что было по его взглядам ему чуждо.

Вашего деда арестовывали трижды. Когда забирали в третий раз, он был уже очень больным человеком...

Было понятно, что смертельный приговор предрешен. Если бы он не умер в тюрьме, его, наверное, расстреляли бы.

А какой, быть может, эпизод из жизни вашего деда на вас произвел особенное впечатление? Что это вообще был за человек?

Он родом из крестьян. Был очень простым русским человеком. Будучи способным, любознательным, закончил Саратовскую духовную семинарию, потом долгое время – лет десять – служил священником в Саратовской епархии, но ему захотелось учиться, и он получил отпуск, приехал в Москву, поступил в Археологический институт, окончил его. Был в Москве довольно известным проповедником. У него было много духовных чад из людей интеллектуальных.

Известно, что это такие значимые для нашей культуры и науки люди, как художник Михаил Нестеров, пианист Константин Игумнов, математики Владимир Щелкачев и Николай Бухгольц и другие. Чем их привлекала личность вашего деда – человека из простой русской крестьянской семьи?

Когда он, крестьянский сын, благодаря управляющему имением получил начальное образование, у него была возможность самому определить, где учиться дальше. Он выбрал семинарию. Это был несколько необычный выбор, потому что духовенство в России в то время было сословным, и в семинарию шли дети священников. Его выбор жизненного пути был сознательным. Он был человеком глубокой веры и готов был служить Богу. Это служение Богу было главным для него в течение всей жизни.

Везде, где он служил, его очень любили. Он был очень хорошим пастырем. Его духовные чада – а я знал многих – отзывались о нем с добрым чувством, с любовью. Но наступило время, когда ему пришлось исповедать свою веру. Он прекрасно понимал, что его ждет. Он был членом Епархиального совета при патриархе Тихоне. Он знал патриарха Тихона, знал митрополита Петра Крутицкого...

Когда камеры были переполнены, он пускал на свои нары того, кто остался без места

Свои скорби он принимал со смирением и с готовностью страдать за Господа. Известно, что в тюрьме он всегда поддерживал заключенных, ко всем относился с отцовской любовью, делился всем, чем можно было поделиться. Я знаю, что, когда камеры были переполнены и не было места, он всегда пускал на свои нары того, кто остался без места. В последний раз он был заключен в тюрьму в городе Спасске на Волге, и мне рассказывал татарин, его сокамерник, что дед был очень добрым, всем старался помочь, подбодрить, поддержать.

Мы чтим сейчас Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Кто такие мученики, всем понятно. Исповедники – те, кто исповедовал свою веру. А в чем смысл этого исповедания?

При канонизации исповедниками называют тех, кто пострадал за веру, но не до смерти. Например, владыка Афанасий (Сахаров) много лет провел в заключении, в ссылках, но всё-таки вышел на свободу. Он чтится как священоисповедник.

А в широком смысле исповедник – это тот, кто за исповедание своей веры принимает страдания, кто готов пожертвовать своим благополучием, даже жизнью своей во исповедание своей веры по заповеди Божией: «Всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того Я исповедаю перед Отцем Моим Небесным» (Мф. 10: 32).

«Духовник – это тот, кто направляет вас к Богу»

Вы в своей жизни встречались со многими духоносными людьми. Как отразились на вас эти встречи?

С кем-то были встречи менее регулярные и немногочисленные, с кем-то – регулярные и многократные. Конечно, даже однократная встреча с великим человеком, святым старцем может сильно повлиять на человека. Образ святого сохраняется в душе и многое дает почувствовать и понять. А когда удается с таким человеком побеседовать!..

Одним из таких духоносных людей, с кем Бог сподобил меня общаться, был старец Серафим (Тяпочкин). Я приезжал к нему несколько раз в село Ракитное, где он служил, подолгу беседовал с ним. Один раз сослужил, уже будучи священником. Когда первый раз к нему приехал, он сказал, что я буду священником.

Сколько вам тогда было лет?

Было порядочно уже – лет 35. Конечно, его образ навсегда запечатлелся у меня в душе. Сейчас я молюсь за него и надеюсь на его предстательство.

С отцом Таврионом виделся не один раз. С ним даже было связано такое чудо. Дело в том, что когда рукополагают в диакона, по традиции

полагается, чтобы накануне ставленник читал на службе Шестопсалмие. Когда меня мой духовный отец Всеволод Шпиллер благословил на священство, мне было немного непонятно, как это при советской власти можно стать священником. И я поехал к отцу Тавриону: он был болен раком, я об этом знал и беспокоился, что его не увижу. Была зима. (Обычно я всегда к нему ездил летом.) Я приехал рано утром, было еще темно. И вот иду по ночному лесу, подхожу к воротам... Лампадки мерцают, но никого нет, всё снегом покрыто. Сначала мне показалось, что и службы нигде нет, но, подойдя ближе к храму, я увидел, что горят огоньки в окнах. Открываю дверь – храм наполнен людьми! А снаружи и незаметно... В храме почему-то читали преподобного Симеона Нового Богослова. Неожиданно было: почему так? Сначала подумал, что батюшка так болен, что не служит, и поэтому читают. Но потом оказалось, что батюшка в алтаре. Вышел и даже сказал слово. Потом началась утренняя.

Вдруг он подходит ко мне, дает Часослов и говорит: «Отец Таврион благословил тебя читать Шестопсалмие»

Людей было очень много, и мне казалось, что меня никто не видит в толпе, никто не знает, что я пришел. И вдруг проталкивается через народ алтарник Георгий, мой знакомый, – а я в конце храма стоял, – подходит ко мне, дает мне Часослов и говорит: «Отец Таврион тебя благословил читать Шестопсалмие». Я никогда раньше в храме не читал, и это было для меня полной неожиданностью.

Отец Таврион еще не знал, что я получил благословение на священство, но духом почувствовал и тоже благословил.

Много я общался с отцом Иоанном (Крестьянкиным). И тоже были неоднократно случаи прозорливости.

Но более всего на мою жизнь повлияли мои духовные отцы – отец Всеволод Шпиллер и отец Павел (Троицкий).

Вы ведь переписывались с отцом Павлом, а потом издали его письма...

Да, но пока малую часть только. Мы общались в письмах с отцом Павлом в течение нескольких лет регулярно. У меня много его писем и благословений и наставлений.

Общение с этими людьми определило мою жизнь: отец Павел благословил меня прийти к отцу Всеволоду, а от отца Всеволода я получил благословение на священство.

А вы отца Павла (Троицкого) видели?

Нет, он в затворе был, видеть его было нельзя. Он не благословлял к нему приезжать. К нему ездила только Агриппина Николаевна, его духовная дочь, келейница (она потом была келейницей отца Всеволода). Она ездила к отцу Павлу, отвозила наши письма и привозила его ответы.

Отец Всеволод Шпиллер был духовным чадом святителя Серафима (Соболева), прославленного в лике святых. Вам рассказывал отец Всеволод об этом человеке?

Очень много рассказывал! Это был именно святой человек. Настоящий подвижник. Он был очень простым русским человеком, но такой пламенной веры и такого подвига!.. Он при жизни обладал замечательными благодатными дарами. И отец Всеволод жил в России по его благословию: владыка его и рукоположил, и уговорил вернуться на родину. И много чудес по молитвам владыки совершилось в жизни отца Всеволода.

Отец Владимир, что бы вы, исходя из вашего опыта, могли сказать людям, которые сегодня, как, впрочем, и всегда, ищут встреч с духоносными людьми? И как выбрать, если можно так сказать, старца?

Это довольно трудный вопрос, потому что старцы тоже люди. Один таким образом подвизается и ведет людей, другой по-другому. Отец Таврион, к примеру, и отец Серафим (Тяпочкин) были людьми совершенно непохожими. Но, как говорят, у Бога всего много. И Богу могут быть угодны разные пути. И поэтому неправомерно было бы один путь объявлять совершенно правильным, а другой совершенно неправильным. Пути разные.

Никто из старцев не старался привести человека к себе. Это очень важно: они направляли именно к Богу.

В нашей земной жизни действуют законы диалектики, и они делают жизнь объемной, и именно поэтому мы с разных сторон жизнь видим. Так мы лучше ее понимаем и познаём. Это справедливо и о духовной жизни. Самое главное – направление. Если пути ведут к Богу, тогда всё в порядке. Можно сказать про всех замечательных старцев, совершенно разных, что все они шли к Богу и вели к Богу. Ведь никто из них не старался привести человека к себе. Это очень важный момент! Они все именно направляли к Богу.

Но, к сожалению, бывает и лжестарчество, такое прелестное духовничество. Характеризуется оно именно тем, что священник или лжестарец неправильно понимает свое служение, свое место и становится не путеводителем ко Христу, а некоей преградой: он собой загораживает Христа и стремится сделать человека именно своим адептом, себя ставит в центр духовной жизни своего подопечного. Вот такое положение очень опасно и может привести к тяжелым духовным последствиям.

А научиться отличать истинное старчество, истинное пастырство от ложного не так просто. И книг таких, которые дадут однозначный рецепт, наверное, нет. Поможет разве только духовный опыт.

«Нельзя оправдывать свои грехи поступками предков»

Отец Владимир, хотелось бы снова вернуться к теме связи с жившими до нас поколениями. Скажите, какая наследственность важнее – духовная или биологическая?

Естественно, духовная, мы же считаем, что душа выше тела.

Но не всегда среди предков того или иного человека встречаются люди достойные, есть и такие, кто, обуреваем страстями, совершал поступки неблагоприятные. Их потомки считают, что на их жизнь влияют грехи предков. Какой совет вы могли бы дать этим людям? И вообще как можно прервать дурную наследственность?

Мы же верующие люди. У нас в Церкви есть таинство покаяния, есть Евхаристия. Мы знаем, что Господь пришел грешников призвать к покаянию. Поэтому у нас нет оснований унывать и отчаиваться или переживать свою судьбу как безысходную.

Мы все люди грешные, наследственность у всех одинаковая – наследственность падшего человека. Но с помощью благодати Божией мы это можем преодолеть. И как много примеров святых людей! Нужно молиться Богу, нужно жить церковной жизнью, благодатной жизнью, трудиться духовно. Тогда спасешься.

Не нужно себя оправдывать, а тем более поступками родителей. Чужие грехи наши не обеляют

А ведь некоторые свои грехи пытаются оправдать поступками предков: «Папа пил – и я пью»; «Родители развелись, а я что, терпеть должен?!» Как переломить эту тенденцию?

Не нужно себя ни в чем оправдывать, а тем более поступками родителей. Чужие грехи наши не обеляют. Нужно с Божией помощью, помолившись, побеждать соблазны и искушения.

«Церкви нужны образованные люди»

Отец Владимир, думаю, что не ошибусь, если скажу: целая эпоха вашей жизни – православный университет. У вас много интервью, где вы рассказываете о том, с чего начинался университет, как ваши первые абитуриенты жили на вокзалах, как вы кормили их... Изменились ли за эти годы студенты? Что за люди сейчас поступают в ПСТГУ?

Конечно, изменились. Тогда было больше взрослых людей, уже сложившихся, имеющих профессию, семью, которые хотели изменить свою жизнь и пойти служить Богу в Церкви. Это были замечательные люди, и общаться с ними было очень радостно. Они самоотверженно трудились и жаждали получить необходимые знания для своего служения, были очень целеустремленными. Из тех первых курсов вышло много прекрасных

священников. Сейчас такие люди тоже есть на вечернем и заочном отделениях.

А на очное отделение поступает в основном молодежь сразу после школы. И хотя там очень много хороших ребят, есть и очень верующие, целеустремленные, но немало и людей, еще не вполне определившихся, еще не очень представляющих себе, как они будут строить свою дальнейшую жизнь. Конечно, они все верующие, но верующие тоже бывают разные: есть люди горячей веры, а есть такие теплохладные. С теплохладными бывает трудно. И нам нужно постараться их в вере утвердить. Иногда получается, иногда нет. Довольно многие из этих людей «сходят с дистанции» и оставляют наш университет. Это, в общем-то, естественный процесс, и это, я бы сказал, правильно, потому что мы хотим учить людей целеустремленных, тех, кто желает посвятить свою жизнь служению Богу.

А не сократилось число студентов?

Сократилось. Особенно сильно – заочное отделение. Раньше у нас было 18 так называемых филиалов – это собственно не были филиалы в том смысле, в котором считает филиалами вуза Министерство образования и к которым оно предъявляет довольно высокие требования. Мы называли такие «филиалы» пунктами дистанционного обучения. Они были в самых разных частях нашей страны, причем в основном в удаленных, и даже в странах ближнего зарубежья: в Казахстане, на Украине, в Литве. Но по требованию министерства мы должны были их закрыть. И сразу же большое количество студентов оказалось за пределами нашего университета. Многих мы постарались перевести на основное заочное отделение, но не все смогли в Москву ездить.

А благодаря этим пунктам дистанционного обучения нам удалось подготовить большое количество выпускников на местах. И сейчас наши выпускники работают во многих епархиях в отделах религиозного образования и катехизации, часто и в семинариях преподавателями трудятся. Многие приняли сан. Теперь таких студентов меньше.

Но зато у нас сейчас имеются факультет дополнительного образования и Институт дистанционного обучения: это обучение через интернет.

Если суммировать количество всех обучающихся по всем формам – это примерно около 3000 человек.

Отец Владимир, как вы считаете, не слишком ли рано получать богословское образование сразу после школы – в 17–18 лет?

Смотря для чего получать его. Для принятия сана это, конечно, рано. И поэтому в прежние времена в семинарии поступали те, кому было уже за 20, так что, когда учеба заканчивалась, можно было принимать диаконский сан. Но чтобы учиться по-настоящему, с полной самоотдачей, лучше времени не терять, потому что людям, обремененным семьей и уже не первой молодости, это трудновато. И языки изучать, например древние, и заниматься наукой уже тяжелее. А наука необходима, чтобы уровень образования был выше.

Церкви нужны образованные люди. И такое образование лучше начинать пораньше. Потому мы рады, что к нам приходят выпускники школ, и мы на них возлагаем определенные надежды. Многие из них занимаются древними и новыми языками, пишут очень интересные работы. И ничего страшного, что молодые.

«Теплохладность ведет к духовной гибели!»

Отец Владимир, в одной из ваших проповедей вы говорили о важности участия прихожан в жизни храма, их помощи храму. Речь шла даже не о каких-то денежных пожертвованиях, тем более что у вас деньги за требы и за свечки не берут... Сейчас нередко можно встретить такое «потребительское» отношение к храму: я пришел, получил то, что мне надо, а до остального мне дела нет. Должна же ведь быть и ответственность прихожан за свой храм, их участие в заботах и нуждах... Ведь так?

Да, за требы мы деньги не берем. И совершать таинства за деньги неправильно. Поэтому таинства мы совершаем бесплатно. Что касается свечек... Свеча – это символ жертвы. И когда люди жертвуют деньги на

свечи, это нормально, так всегда было в Церкви, и в этом ничего противоречащего благочестию нет.

Община должна чувствовать, что вот этот храм – наш, общий. И мы все вместе должны о нем заботиться

Но этих пожертвований недостаточно в наше время. Поэтому очень важно, чтобы каждый человек чувствовал ответственность за храм. Храм же не принадлежит епископу или священникам. Храмы принадлежат всей Церкви, всей ее полноте, и община должна чувствовать, что вот этот храм – наш, общий. И мы все вместе должны о нем заботиться. Нам нужно делать и ремонт, нужно приобретать необходимое для нормального течения жизни общины. Поэтому, конечно, очень важно, чтобы все принимали в этом участие. Если у наших прихожан будет воспитываться какая-то такая психология потребительская, это будет очень печально. Это отразится и на духовной жизни.

А потребительство чувствуется?

Бывает такое. Часто не только захожане, но и прихожане в храм идут именно для того, чтобы что-то такое отсюда «унести». Мы, конечно, стараемся помогать бедным и несчастным, но часто это не просто несчастные-бедные, а люди, которые именно так потребительски настроены.

Отец Владимир, на ваш взгляд, какая сегодня самая больная проблема у верующих? Конечно, это сложно выделить, но все-таки на что нам нужно, прежде всего, обратить внимание?

Сейчас мы вступили в такую жизненную полосу, когда энтузиазма к возрождению духовной жизни стало значительно меньше. В 1990-е годы такой удивительный восторг был в нашем народе, который обрел свободу! Люди буквально бросились в Церковь. Было очень много крестин. Люди жаждали слова Божия. Духовные книги расходились в момент. И все хотели восстанавливать и строить храмы. А сейчас этот энтузиазм ослабел. Но это вполне естественно. Такое волнообразное развитие вообще характерно для истории. И можно говорить о некоем спаде, да и СМИ постарались: довольно много враждебных к Церкви выступлений. И у молодежи отношение к

Церкви прохладное. Даже люди воцерковленные очень часто на самом деле теплохладные христиане. А это опасное состояние.

Чем оно опасно?

В Откровении Иоанна Богослова есть такие слова: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15– 16).

Это состояние теплохладности бесперспективно. Когда человек холоден, он, обретя истину, может переориентироваться на 180 градусов. Как апостол Павел. Таких примеров мы знаем в истории много. Когда же человек тепл, то он безразличен к истине. И это очень тяжелое духовное состояние, которое обычно ведет к духовной гибели.

Безразличие к истине – страшная вещь

Безразличие к истине – страшная вещь. Отсюда и безразличие к добру и злу. Это потеря нравственных ориентиров. Потеря любви. А человек, который не имеет любви, который не отличает добро от зла, понемногу повреждает в себе образ Божий настолько, что уже иногда с трудом узнаешь в нем человека. Отец Иоанн (Крестьянкин) как-то сказал, что мы живем в такую эпоху, когда меняется сам состав человека. Я даже не сразу понял эти его слова, а потом вспомнил, как в Библии сказано, что перед потопом Бог посмотрел на человеческий род и решил его уничтожить – там есть такие славянские слова: «зане суть плоть». Потому что эти люди стали плотью – только плотью. Как будто дух их ушел от них. И они перестали быть тем, чем должны быть. Потерялся смысл их существования.

Вот я боюсь, что в наше время тоже дух ослабевает в человеческом роде и род человеческий всё больше и больше становится плотью. Всё больше его интересует не жизнь духовная, не жизнь с Богом, а что-то недостойное.

«Семья – это лучшее училище любви»

Отец Владимир, вы не только пастырь, за духовным советом к которому приходят многие люди и получают и пользу, и радость от общения с вами; вы не только наставник многих тысяч и бывших, и нынешних, и будущих студентов ПСТГУ, но вы еще и уникальный, можно сказать, дедушка. Скажите, каково быть дедушкой с таким количеством внуков?

Дедушкой быть очень приятно. Я благодарю Бога за то, что Господь мне послал 26 внуков. Все они хорошие, все они меня радуют. И я очень хотел бы, чтобы они все выросли настоящими добрыми православными людьми.

И в заключение нашей беседы хотелось бы попросить вас сказать слова напутствия читателям нашего портала.

Мне очень хочется, чтобы наш народ, мой любимый русский народ не потерял себя. Чтобы он вернулся к православной вере. К той любви, которой он жил. Любовь к Богу, любовь к Церкви, любовь к ближним – раньше это были отличительные черты русского человека, и в историю русский народ вошел как добрый народ. А эта доброта питалась, конечно, верой – православной верой.

Очень бы мне хотелось, чтобы наш народ вернулся к своим духовным истокам. Чтобы понял, как ему строить свою жизнь. Но жизнь народа, жизнь всякого общества строится, прежде всего, в семье. Сейчас мы должны больше всего думать об укреплении нашей семьи. Мы подошли к такой черте, когда весь мир ополчился на семью, и удивительная пропаганда новой нравственности направлена именно на то, чтобы разрушить семью. Это обязывает нас семью защищать. Мы должны и на законодательном уровне принимать необходимые меры, и государство должно думать о защите семьи. А русские люди должны особо хранить семейную жизнь. Тем более люди православные.

Я знаю, что православные священники всегда стараются своим прихожанам внушить эту мысль и вдохновить их на создание хороших настоящих православных семей. А в настоящей семье должны быть дети. Дети – это дар Божий. Дети – это учителя любви. И чем больше детей, тем больше любви в семье. Этой любви учатся и старшие, и младшие, и, конечно,

родители. Любви, которая есть сострадание, сорадование, соучастие, забота. Эта любовь воспитывается лучше всего в большой православной семье. И мне кажется, одна из важнейших задач нашего государства и нашего общества, всего нашего народа –это возродить добрую семейную жизнь на основе православной веры.

С протоиереем Владимиром Воробьевым

беседовал Никита Филатов

28 марта 2016 г.